

Н. И. КОНРАД

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

После победы Народной революции китайские языковеды стали вести особенно интенсивную работу. Перед нами стояли задачи поистине исторической важности: своим трудом они должны были способствовать укреплению позиций китайского национального языка на той подлинно всенародной почве, которую создала для него Народная революция; они должны были содействовать выработке литературной нормы национального языка, разработать научные основы преподавания современного литературного языка в школе. Эти задачи китайские языковеды выполняют с честью и достигли уже очень многого.

Значение деятельности китайских лингвистов — специалистов по родному языку — выходит за пределы собственно китайского языкознания. Они изучают язык, строй которого, именуемый обычно изолирующим, раскрыт в гораздо меньшей степени, чем строй языков агглютинативных и флективных. Поскольку же анализ строя изолирующих языков составляет часть общего языкознания, столь же важную и необходимую, сколь и анализ языков другого строя, постольку работа китайских лингвистов имеет первостепенное значение и для общего языкознания. Поэтому следить за работой китайских специалистов должны не одни лингвисты-китаеведы, но и все, кто интересуется общими проблемами науки о языке.

Есть при этом одно особое обстоятельство, делающее работу китайских языковедов еще более интересной для лингвистов: китайские языковеды имеют свою национальную традицию, созданную двухтысячелетней историей лингвистической мысли в их стране. В своей работе они то спорят с этой традицией, пересматривают ее, то пользуются ею, принимают и развивают некоторые ее положения. Ввиду этого всякому, кто желает лучше понять и общее направление современного языкознания в Китае, и конкретную работу его нынешних представителей, необходимо хотя бы в самых общих чертах знать важнейшие положения этой традиции. Данная статья и имеет своей целью разъяснить некоторые из таких положений.

1

В истории языкознания в Китае, как и в некоторых других странах Востока, можно различать два периода: до знакомства с европейской наукой о языке и после знакомства с нею. Основанием для такого разделения служит различие в принципах и методах лингвистического исследования: в первом периоде языковеды этой страны ведут изучение своего языка на основе принципов и методов, которые сложились вне влияния европейского языкознания вообще, во втором периоде — на основе принципов и методов европейского языкознания. Таким образом, в первый период наука о языке развивалась в рамках своей национальной традиции, во второй — в традициях европейского языкознания, которое рассматривается не как явление, возникшее и развившееся исторически также в русле некоей своей традиции, в данном случае западноевропейской, а как наука о языке вообще.

Переход от одного периода к другому связан с распространением в данной стране Востока европейской науки и европейского образования и

с появлением национальных ученых, получивших подготовку либо в Европе или Америке, либо в своих учебных заведениях, к тому времени уже вполне европеизированных. Иногда при этом бывает возможно обнаруживать определенный факт, который служит знаком подобного перехода. Таким фактом может оказаться появление первой работы об определенном восточном языке, написанной местным автором по образцу европейских работ. Большею частью это бывает грамматика своего языка, что мы видим, например, в Японии: в 1833 г. там появилась первая европеизированная грамматика японского языка, написанная Цуруминэ Сигэнобу. То же наблюдается и в Китае: в 1898 г. вышла грамматика китайского языка Ма Цзянь-чжуна «Маши вань тун». В подобных случаях явственно обнаруживается ориентация авторов на грамматику какого-либо из европейских языков. Так, китайский автор ориентировался на грамматику французского языка, а через нее — на грамматику латинского; японский — на грамматику голландского языка. Объясняется это историко-культурными условиями: французский язык в XVII—XIX вв. был языком наиболее известным тем образованным китайцам, которые соприкасались с французскими миссионерами в Китае: голландский язык был единственным европейским языком, с которым японцы имели дело с начала XVII в. по середине XIX в.

Уже в этот начальный момент обнаруживается невозможность построить грамматику своего языка целиком по схемам грамматик европейских языков. В той или иной мере авторам даже первых европеизированных грамматик пришлось освещать некоторые явления своего языка в духе прежней традиции. Так, например, Ма Цзянь-чжун, стремившийся распределить слова китайского языка по рубрикам обычных для грамматик европейских языков частей речи, все же не мог не сопоставить их со своими исконными лексико-грамматическими категориями — «полных слов» (шицзы) и «пустых слов» (сюйцзы). Цуруминэ Сигэнобу, также распределивший слова японского языка по рубрикам частей речи европейских грамматик, не мог обойтись без традиционных для старого японского языкознания категорий «слов-субстанций» (тайгэн) и «слов-акцидентов» (ёгэн), соединив к тому же эти категории с указанными китайскими, в свое время перешедшими и в японское языкознание; он определил, например, существительные как «слова-субстанции-полные» (дзиттайгэн), а предикативные прилагательные как «слова-субстанции-пустые» (кётайгэн).

Подобное соединение европейской традиции с национальной продолжалось и в дальнейшем: при этом обычно наступает такой момент, когда вырабатывается как бы некая схема своеобразного эклектизма: появляется работа, в которой обе традиции сочетаются широко и обдуманно, и эти работы на некоторое время становятся своего рода эталоном для других грамматик, особенно учебных. Именно такой работой в Китае была грамматика Ян Шу-да «Гаодэн говэньфа» 1913 г. (ср. в Японии грамматику Оцуки Фумихико 1897 г.). Позднее, однако, элементы эклектизма ослабевают, и обе традиции начинают восприниматься критически; от каждой берется лишь то, что по мнению данного исследователя приложимо к своему языку. О наступлении такого критического этапа в грамматической науке Японии свидетельствует теоретическая грамматика японского языка Ямада Ёсио (1908), в Китае — также теоретическая грамматика китайского языка Лю Фу «Чжунго ваньфа тунлунь» (1920). Такие грамматики положили начало углубленному изучению своих языков — лингвистической, представленной и в Китае, и в Японии работами ряда крупных ученых. В Китае это — Чэнь Чэн-дзэ «Говэньфа цаочуань» (1922), Цзинь Чжао-цзы «Говэньфа-ды яньцзю» (1922), Хэ Хэ-жун «Чжунго ваньфа лунь» (1937), Ван Ли «Чжунго сяндай юйфа» (1943), «Чжунго юйфа лилунь» (1945), Гао Мин-кай «Ханьюй юйфа лунь» (1948), Люй Шу-сян «Чжунго ваньфа яолюэ» (1941). В Японии такими учеными были Мицунэ Сигэмицу, Сакума Канаэ, Хасимото Синкити, Киндаити Кёскэ, Ёсидзава Ёсинори и др.

Следует отметить одну черту, характерную одинаково и для нового китайского, и для нового японского языкознания: работа сначала велась на материале того, что в этих странах считалось тогда «литературным языком». А это был язык письменный, книжный, т. е. язык старый, весьма отличный от современного живого разговорного языка этих стран. Ма Цзянь-чжун, автор первой такой грамматики китайского языка, построил ее даже на материале древнего китайского языка, языка древних классических памятников; с письменнолитературным языком, как мы такой язык называем, имел дело и Цуруминэ Сигэнобу, создавший первую европеизированную грамматику японского языка. Это вызывалось существовавшим тогда представлением, что языком, достойным изучения, является только старый письменнолитературный язык, живой же разговорный язык долгое время рассматривался как «язык простонародный» («сухуа» — в Китае, «дзюкуго» — в Японии). Такой взгляд был, конечно, не случаен: за ним скрывалась языковая действительность того времени, состоящая в том, что новый литературный язык, точнее — литературная норма национального языка (в общественно-историческом смысле этого понятия) тогда еще только складывалась, а грамматическое изучение языка обычно имеет своим материалом именно такую норму. Кроме того, и в программу школьного образования входил только письменнолитературный язык. Поэтому знаменательной вехой в истории нового языкознания в Китае и Японии является момент, когда появляются первые грамматики современного языка. Первую грамматику китайского языка создал Ли Цзинь-си «Синьчжу гоюй ваньфа» в 1924 г. (в Японии — Мацусита Дайдзабуро, в 1901 г.).

Появление таких грамматик служит наглядным свидетельством не только развития китайского и японского языков как национальных, но и образования в них своей литературной нормы, иначе говоря — свидетельством сложения нового литературного языка.

Вместе с тем такой поворот оказывается связанным и с общественной обстановкой в стране — с развитием демократического движения. Эта сторона особенно отчетливо проявляется в Китае: усиление внимания к современному языку совпало с обстановкой широкого подъема демократического движения, известного в Китае под названием «Движения 4-го мая» (1919 г.). Обращение к современному языку в лингвистике сочеталось с борьбой за современный язык в художественной литературе и в школе. Такой факт имеет весьма важное значение. Поскольку грамматическая наука до этого строилась на материале старого литературного языка, постольку при изучении грамматического строя языка и в новую эпоху еще имела большую силу традиция; при изучении же современного языка исследователь был более свободен от власти прошлого. Ввиду этого именно по линии грамматической науки и проявилось больше всего, с одной стороны, влияние различных течений западной лингвистической мысли, с другой — собственной оригинальной научной мысли. Следует сказать, что и в Китае, и в Японии в настоящее время изучение старого литературного языка («веньянь» — в Китае, «бушо» — в Японии) начинает закономерно отходить в область истории языка, и на первое место постепенно выдвигается современный язык. Особенно отчетливо такой поворот замечается в Китае, в чем нельзя не видеть влияния победы Народной революции, властно направившей внимание исследователей на все, что входит в орбиту жизни народа в настоящее время. Но все же национальная традиция продолжает действовать. И это объясняется не только тем, что представления о своем языке, как они сложились исторически, продолжают держаться в умах, но и тем, что современный язык, каким бы новым ни был его общий облик сравнительно со старым языком, складывался в течение столетий, и эти столетия в какой-то мере и в каком-то качестве существуют в нем и сейчас. Поэтому так важно учитывать, как национальные традиции представлены в работе наших китайских коллег.

2

Хань Юй — философ, публицист и поэт IX в. — однажды написал в «Сун Мэн Дуи-е сюй»: «Самое существенное в том, что создается человеческим голосом, есть слово». Это было сказано в относительно позднюю эпоху, но всяком случае для Китая, — в его Средневековье, но представление, что главное в языке — слово, возникло в Китае еще в Древности.

Наглядным свидетельством этого служат китайская письменность, называемая нами пиктографической. Самые ранние из дошедших до нас памятников китайской письменности — надписи на костях животных, относящиеся к XII в. до н. э., удостоверяют, что каждый пиктограф был призван обозначать слово. Таким образом, письменный знак был логограммой. И такой логографией китайское письмо оставалось очень долго: отчетливые следы своего логографического происхождения китайская письменность сохраняет до наших дней.

О том, что слово было первым осознанным элементом языка, свидетельствуют и дошедшие до нас древние сочинения, отразившие в себе лингвистическую мысль древних китайцев: эти сочинения — словари. Важнейшим из них считается знаменитый «Шовэнь» (около 100 г. н. э.). Слава его основана не только на том, что он содержит в себе свыше девяти тысяч знаков, т. е. слов, что, по-видимому, следует считать основным словарным составом древнего китайского языка, но главным образом на том, что этот словарь устанавливает категории письменных знаков, иначе говоря, раскрывает структуру китайской письменности. Нам, однако, кажется, что «Шовэнь» содержит в себе и то, что можно назвать системой представлений о слове — такой, какой она сложилась к 100 г. н. э. Ведь само конструирование письменного знака для каждого слова было основано именно на представлении о слове, подчинено пониманию различных сторон слова. На этой основе и создавалась идентификация знака слова с самим словом — факт, позволяющий нам рассматривать многие памятники последующего времени, говорящие о письме, как работы и о языке.

Обращаясь к словарю «Шовэнь» как к сочинению, в котором отражена лингвистическая мысль древних китайцев, мы можем обнаружить в нем следующее.

1. Каждое слово мыслилось как некое единство ряда элементов, его составляющих, — единство, отличное от других подобных же единств. Свидетельством такого представления является строгая индивидуализация графического символа слова — его графического знака, индивидуализация не только формы входящих в такой знак элементов, но и их числа и расположения.

2. Основным элементом слова считалось значение, что подтверждается содержанием словарной статьи. При всех своих модификациях словарные статьи имеют одну цель: раскрытие значения слова.

3. Другим элементом слова считалось звучание. О наличии представления о звуковой стороне слова свидетельствует введение в определенных случаях в состав грамматического знака слова специального фонетического определителя — особого графического элемента, назначением которого было только указывать на звучание слова, обозначенного данным графическим символом.

4. Существовало представление о лексической омонимии. Это можно усмотреть, во-первых, в применении одного и того же фонетического определителя для указания на звучание разных по значению слов. Наличие представления о лексической омонимии обнаруживается, во-вторых, и в случаях применения целого знака, выработанного специально для определенного слова с целью обозначить слова с другим значением, но с тем же звучанием. Так, например, знак, созданный для обозначения слова «фоникс», без всякого изменения применялся для обозначения одинаково

звучащего слова «друг». В этом случае омонимичность соединялась с омографичностью, чего нельзя сказать о первом случае, где омонимичность налицо, а омографичность является частичной — лишь в том элементе письменного знака, который призван обозначать звучание.

5. Существовало мнение о соотносительности значения слова с понятием, которое в свою очередь рассматривалось как нечто производное от представлений. Наличие идеи о такой соотносительности можно усмотреть в том, что графическим символом слова в одних случаях служил рисунок — изображение предмета, обозначенного данным словом: такой рисунок являлся графическим символом понятия, основанного на наглядном представлении предмета. Подобные случаи мы видим в обозначении рисунками значения слов вроде «дерево», «птица», «рыба», «гора», «глаз», «человек», «рот», «рука» и т. д. В других случаях, когда понятие рождалось из взаимодействия нескольких представлений, это находило свое отражение в том, что знак тогда представлял собою комбинацию рисунков — графических символов отдельных представлений, что мы наблюдаем при определении значения, например, таких слов, как «стойло» или «весна»: знак для слова «стойло» состоял из рисунка крыши и помещенного под ним рисунка животного с рогами; знак для слова «весна» в одной из его древнейших форм состоял из рисунка растения с расположенным под ним изображением солнца, т. е. тепла, появляющегося с наступлением весны и вызывающего рост растений. Наконец, в третьих случаях соотносительность значения слова с понятием находила свое выражение во введении в графический символ слова особого понятийного определителя, детерминатива; только в таких случаях указывалось не единичное понятие, а групповое, охватывающее несколько понятий по какому-нибудь общему для всех них признаку. Для того же чтобы было ясно, какое именно понятие из этой группы соотносится со значением данного слова, обращались к звуковому символу этого значения, т. е. вводили в знак слова и фонетический определитель. В подобных случаях путь к соотносению значения слова с понятием был таков: сначала возникало звуковое представление о данном слове, например, оно звучит *хэ*, но так как слов с таким звучанием было несколько, например «река» и «топорище», то для понимания, имеется ли в виду *хэ* — «река» или *хэ* — «топорище», к фонетическому определителю в первом случае приписывался детерминатив «вода», во втором — «дерево».

6. Существовало представление о группах слов, о чем свидетельствует то, что слова в словаре «Шовань» распределены по определенным группам, причем основанием для отнесения нескольких слов к одной группе служил один признак из комплекса признаков, образующих значение слова, воспринимаемый как главный. Таким признаком могла быть сочтена принадлежность того, что обозначалось данным словом, к какой-либо группе предметов или явлений внешнего мира (например, к деревьям, металлам, животным, птицам и т. д.). Таким признаком могла быть сочтена связь с рукою человека, например, у слов, обозначающих действия руки; связь с функциями психики, например у слов, обозначающих чувства, эмоции и т. д.; у слов со значением той или иной болезни общим признаком считался признак самой болезни. Признаки, создающие какую-то общность значений отдельных слов, разумеется, определялись тем, как воспринимался людьми внешний мир, общественная жизнь, они сами, а восприятие всего этого в свою очередь определялось ступенью общественно-исторического и культурного развития.

7. Существовало представление смыслового деривата. Это можно усмотреть в том, что какой-либо знак, например знак слова «старость», входил в состав знаков различных слов, исходным моментом значения которых было именно понятие старости. Таким образом, дериватом понятия «старость» считалось не только такое понятие, как «дряхласть», но и такое понятие, как «сыновний долг»; последнее осмыслялось как служение ста-

рикам, и графическим символом слова с таким значением был рисунок ребенка (сына), несущего на своих плечах старика (родителя).

Представление о соотношенности слова с предметами и явлениями внешнего мира и общественной жизни вызвало мысль о том, что совокупность слов, т. е. словарь языка, несет в себе все содержание действительности, как оно, это содержание, отразилось в сознании людей и воплотилось в слове.

На основе такого представления создан словарь «Ши-мин» (II в. н.э.), в котором слова распределены по таким разделам, как небо, земля, вода, гора, родство, пища и питье, утварь, одежда, украшения, музыкальные инструменты, болезни, экипажи, суда и т. д.

К изложенному следует добавить, что уже в древности появилось представление о стилистическом (в языковом смысле) качестве слова: появилась мысль, что есть слова «высокие» или «изящные» (я), составляющие принадлежность «высокого» или «изящного» языка. Таким словом определялось тогда то, что мы могли бы назвать литературным языком того времени. Словарем этого языка является «Эр-я» (III—II вв. до н.э.). Его состав показывает, какие именно слова считались тогда принадлежностью «высокого», т. е. литературного, языка: это были слова, встречающиеся в древних сочинениях, признанных в то время основой просвещения и образованности.

Такова система представлений о слове, как она отразилась в указанных памятниках. Эта система в дальнейшем превратилась в один из наиболее важных элементов национальной традиции китайского языкознания. В заключение можно только отметить, что упомянутые памятники древней китайской лингвистической мысли возникли в русле филологии. Это было в эпоху Ханьской империи (III в. до н.э. — III в. н.э.) — последнего этапа китайской Древности, когда усиленно разыскивались, восстанавливались, обрабатывались и комментировались древние сочинения. В этом аспекте ханьская филология в древнем Китае является китайским аналогом александрийской филологии — филологии последнего этапа европейской древности.

3

Второй существенной частью национальной традиции китайского языкознания является система представлений о звуковой стороне языка. Важнейшее в этой системе следующее.

1. Фонетической единицей считается комплекс, соответствующий слову. Отдельные элементы, помеченные в составе такого комплекса, — «звуки» (инь-юнь) и «голос» (шэн) воспринимались как компоненты целого. Это можно усмотреть в том, что выделение указанных компонентов воспринималось как «рассечение» (це), т. е. искусственное разрушение произносительной целостности слова.

2. «Звуки», т. е. качественные компоненты звуковой стороны слова, рассматривались не только как элементы, составляющие произносительное целое — слово, но и как элементы, порождающие это целое. Это можно усмотреть в том, что один компонент — первый по положению в составе целого — получил наименование «отец» (фу), другой — второй по положению — «мать» (му).

3. Такие наименования отражают представление о том, что начальные и конечные компоненты произносительного целого слова противоположны не только по своим функциям в образовании целого, но и по своей фонетической природе. Поскольку начальными компонентами были согласные, конечными — гласные, постольку противоположными по фонетической природе мыслились согласные и гласные.

4. О том, что начальными компонентами были согласные, свидетельствует появившаяся в первой половине X в. классификация, разделяющая

их на губные, язычные, нижнезубные, верхнезубные, гортанные, полугубные, полуязычные. Такая классификация могла относиться именно к согласным, если при этом иметь в виду и то, что мы называем «твердым» и «мягким» приступом. Губные, язычные и верхнезубные делились еще на «тяжелые» и «легкие». Судя по соответствующим иероглифам, призванным иллюстрировать каждую такую группу, можно заключить, что в группе, например, губных «тяжелыми» считались взрывные, билабиальные (p , p' , b , m), «легкими» — щелевые, лабиодентальные (f , f' , v , w). Кроме того, внутри некоторых групп различались «чистые» (цзи), «следующие за чистыми» (цы-цин), «мутные» (чжо) и «чисто-мутные» (циш-чжао). Судя по соответствующим иероглифам, приводимым для иллюстрации таких согласных, к «чистым» были отнесены глухие, к «мутным» — звонкие; «следующими за чистыми» считались аспираты, «чисто-мутными» — назальные.

Следует сказать, что как описания фонетической природы начальных, так и их число в старых фонетических трактатах определялись различно. Это вызывалось и различным пониманием фонетической природы отдельных звуков, и фонетическими различиями, связанными с историческими изменениями в фонетике, и с диалектными особенностями. Наиболее устойчивой цифрой, определяющей количество начальных, является 36.

5. Противоположными начальным считались конечные. По своей фонетической природе они были гласными, что можно видеть из классификации этих звуков, появившейся тогда же, когда и классификация начальных. По этой классификации конечные делились на «классы» (дэн), причем, судя по иероглифам, призванным иллюстрировать каждый класс, это было деление на различные виды широких и узких звуков. Существовало еще деление конечных на «внутренние» (вэй) и «внешние» (вай), «открытые» (кай) и «свободные» (хэ). Такие классификации приложимы именно к гласным.

6. В фонетическую характеристику гласных входил и так называемый «голос». В европейской синологии вместо слова «голос», что является буквальным переводом китайского наименования «шэп», употребляют слово «тон». Однако трактовка «тона» в качестве музыкального ударения, как это обычно делается, не исчерпывает существа данного явления.

В число признаков, определяющих «голос», входят следующие: во-первых, голосовая мелодия, осуществляемая на протяжении всего произносительного целого и состоящая в повышении или понижении высоты этой мелодии, либо удерживания ее на одной высоте; во-вторых, наличие определенной протяженности произносительного целого, дающей эффект краткости или долготы; в-третьих, наличие особого явления, которое воспринимается как «медленность» (слабость) или как «стремительность» (напряженность). Под этим подразумевается, как правило, плавность или отрывистость конечной части произносительного целого.

Следовательно, под «голосом» понимался комплекс различных фонетических явлений: и ход голосовой мелодии, могущей приводить к эффекту музыкального ударения, и количественная характеристика сонорных в составе целого, и качественная характеристика конечных элементов. Если же учесть, что в одном из «голосов», называемом «входящим», качественная характеристика конечного элемента означает, что произношение конечного гласного заканчивается эффектом, воспринимаемым как резко обрывающийся звук k или t , или p , — получается, что в представлении о «голосе» входят и некоторые особенности звукового состава произносительного целого. Во всяком случае в произнесении подобных слов иностранцами, например японцами, давно воспринявшими китайский язык, в этих случаях появляются вполне отчетливо выраженные конечные согласные k , t и p . Подобные особенности «голоса» могут затрагивать и средние звуки из разряда гласных. Так, например, то, что мы слышим как *шуй* «кто» и *шуй* «вода», воспринималось как различие гласного по «голосу».

Описания конечных и число их, даваемые в различных фонетических трактатах, значительно расходятся, что, видимо, вызвано теми же причинами, что и расхождения в описаниях и числе начальных. Наиболее часто повторяющаяся цифра конечных — 206.

Учение о звуковой стороне слова развивалось в силу различных причин. По-видимому, наиболее ранней причиной была необходимость приводить в словарях произношение слова, обозначенного данным иероглифом. Сначала это делалось указанием на соответствующий омоним, но этот способ в дальнейшем оказался недостаточным, и уже ханьские филологи стали указывать, как следует произносить данное слово с помощью двух других иероглифов: от звукового состава первого следовало взять начальный компонент (пнь), от звукового состава второго — конечный компонент (юнь); соединение их и давало звучание искомого слова. И уже в конце II в. н. э. упомянутый выше «Эр-я» — словарь древнего литературного языка — был издан с такими указаниями на произношение (Эр-я инь-и).

Другой причиной, приведшей к образованию фонетического учения о слове, была поэзия, с III в. начавшая бурно развиваться. Поскольку поэзия была рифмованной, а сама рифмовка имела весьма сложный характер, постольку потребовались особые словари рифм (юньшу), представлявшие собой классификацию слов по конечным компонентам их произносительного целого. Разумеется, такие словари были справочным пособием для поэтов, но вместе с тем их необходимо рассматривать и как особую форму выражения результатов большой работы по изучению фонетической стороны слова.

Третьей причиной развития изучения фонетической стороны слова была необходимость транскрибирования собственных имен других языков. Китайцы были окружены многочисленными и разноязычными народами, и история Китая полна сообщениями о них. Поэтому уже с древности оказалось необходимым выработать способы транскрибирования географических названий, названий чужих стран и народов, собственных имен, обозначений титулов и званий. Тем самым иероглиф из знака, обозначающего одновременно значение и звучание одного определенного слова, превращался только в фонетический знак, совершенно оторванный от слова, т. е. из логограммы превращался в фонограмму. Особенно важную роль в этом направлении сыграла работа по переводу буддийской литературы, требовавшая транскрибирования огромного числа собственных имен.

Эта работа имела, однако, и другое огромное последствие: она ввела в науку о языке, как она развивалась до этого в Китае, элементы индийского языкознания. Ученые монахи — переводчики буддийских сочинений — должны были знать оба языка буддийской литературы: пали и санскрит. Изучая эти языки, они одновременно знакомились и с индийским языкознанием и переносили положения последнего на свой язык. Так, в работе под названием «Юнь цзин» («Зерцало рифм»), появившейся в начале X в., дана первая классификация звуков китайского языка. Эта классификация, повторявшаяся потом в позднейших работах по фонетике, несомненно возникла под влиянием индийского языкознания. В дальнейшем развитие фонетического учения в китайском языкознании рисует картину сочетания и борьбы исконного синтетического подхода к произносительному целому и вновь сложившегося аналитического.

Следующей частью национальной традиции китайского языкознания является учение о «словах полных», «словах пустых» и «словах служебных» (чжунцзы). В этом учении несомненно отражается грамматическое представление о слове. О «полных», «пустых» и «служебных» словах стали говорить в связи с речью. Так, например, Лю Цзун-юань, известный

писатель IX в., в письме к одному из своих корреспондентов указывает на ошибки, допущенные последним в употреблении слов «вопросительных» и «утвердительных». В данном случае противопоставлены друг другу не «вопрос» и «ответ», а две категории высказывания: одна — сомнение, другая — утверждение. Лю Цзун-юань приводит пять слов, которыми выражаются в речи различные оттенки вопроса-сомнения, и четыре слова, которыми выражаются различные оттенки утверждения. В данном случае речь идет о том, что корреспондент Лю Цзун-юаня не умеет пользоваться такими словами, которые требуются для точной передачи именно нужного оттенка того и другого. Такие слова названы «служебными». Их иероглифическое обозначение говорит о том, что никакой знаменательности они в себе не несли; иероглифический знак здесь играет роль простого фонетического обозначения.

Кобо-дайси, знаменитый проповедник буддизма в Японии VIII—IX вв., получивший образование в Китае и оставивший написанные по-китайски записки по вопросам китайского языка и литературы, говорит о «начальных словах». Приведенный им список слов свидетельствует, что он имел в виду то, что мы назвали бы условными, уступительными и противительными союзами (*если, если бы, пусть, пусть даже, но* и др.) и частицами (*разве, именно* и др.). Интересно отметить, что все подобные слова обозначены двумя знаками, т. е. не являются односложными. Такие «начальные слова» также названы «служебными».

Иначе следует понимать слова «полные» и «пустые». Фань Си-вань, писатель XIII в., разбирая стихи Ду Фу, известного поэта VIII в., находит у него обе эти категории и указывает, какие именно слова являются «полными», какие — «пустыми». Анализируя такие слова, мы видим, что «полными» словами он считает слова с предметным значением, «пустыми» — с глагольным значением, а также наречного типа (например, *иногда*). Подобного рода указания свидетельствуют о том, что деление слов на упомянутые классы было связано с семантической стороной слов. В том же XIII в. Чжан Янь в сочинении «Цы юань» («Источник слов») специально указывает, что нельзя обходиться одними «полными» словами, а их следует связывать со словами «пустыми». Изучая приводимые им примеры слов каждой группы, мы видим, что «полными» словами у него являются предметные и качественные имена, а «пустыми» — обозначения процессов и качеств как признаков. Но особенно важным в работе Чжан Яня является указание, что сочетание слов данных двух групп необходимо для построения речи. Это свидетельствует о том, что слова в речи рассматривались им не только с семантической стороны, но и со стороны грамматической. При этом похоже на то, что грамматическая функция слова в речи определялась его семантической природой и его синтаксической функцией. До нас дошла большая литература по вопросам этих групп слов. Очень важное значение имеет трактат «Чжу юйцзы» («Служебные слова») Лу И-вэя (конец XVI—начало XVII в.), в котором различаются «служебные слова» и «служебные частицы». Он приводит более ста таких слов и частиц. В число «служебных слов» попал и ряд слов, которые считались «пустыми». В других работах встречается обратное явление: ряд слов, считавшихся «служебными», включается в группу «пустых».

В такой своеобразной форме развивалось в старом Китае учение о грамматической стороне языка. Отличительной чертой этого учения было то, что грамматическая функция слова мыслилась неотделимой от его значения. При этом слова и частицы, определяемые как «служебные», призваны были одна определять смысл слова именно в данном значении, другие — его отношение к другим словам. Учение о грамматической стороне слова развивалось в китайском языкознании позднее, чем учения о других сторонах слова, и его развитие связано с расцветом филологии в XVII—XIX вв. Предметом внимания филологов этого периода были древние памятники, что и привело к расцвету критической текстологии, исто-

рической фонетики и этимологии. Китайская филология этого периода в известной мере является аналогом европейской филологии эпохи классицизма.

5

Разумеется, национальная традиция китайского языкознания далеко не ограничивается изложенным. Существует, например, учение о «цзюй» — отрезках речи, ограниченных паузами и объединяемых фразовой голосовой мелодией. Это учение тесно связано с теорией китайского стиха, в которой словом «цзюй» обозначается стиховая строка. Вместе с тем о «цзюй» говорится и в аспекте, который мы назвали бы синтаксическим. В настоящей статье коснуться всего этого даже схематично невозможно. Кроме того, и в приведенном выше материале излагается лишь самое основное из рассматриваемых явлений и при этом остаются в стороне различные трактовки их в разное время и у разных авторов — создателей национальной традиции китайского языкознания, и тем более освещение этих вопросов у лингвистов новейшей эпохи. Для настоящего освещения национальной традиции китайского языкознания следовало бы изложить вообще историю языкознания в Китае. Знать эту историю важно для того, чтобы правильно понимать особенности работы современных китайских лингвистов, исследователей своего языка как в его современном состоянии, так и в его истории.

Изучение истории китайского языкознания имеет огромное значение и для истории науки о языке вообще. Полноценная история языкознания не может состоять лишь из истории европейской лингвистической мысли; она должна быть основана на изучении лингвистической мысли всех тех народов, у которых развивалось свое языкознание. Многие народы имеют такое языкознание. Существует, например, богатая история языкознания в Японии, есть весьма своеобразное языкознание у арабов. Китайский народ наряду с некоторыми народами Индии имеет, пожалуй, наиболее длительную, продолжающуюся более двух тысячелетий богатейшую историю своей лингвистической мысли. Поэтому история китайского языкознания должна быть включена в общую историю науки о языке.

Следует помнить и о следующем. Мы в настоящее время стремимся разработать общую теорию языкознания на основе понимания языка как общественного явления. Но всякое общественное явление познается в его истории. Поэтому наиболее прочную почву для построения общей теории языка может создать история языков у различных народов. Сопоставление такого процесса у разных народов, особенно у народов с различным языковым строем, может дать надежные выводы как об общем, так и об индивидуальном в разных языках. Однако необходимо считаться и с тем, как представляли себе явления своего языка сами его носители. Пренебрегать поэтому национальным языкознанием нельзя. Так, например, история языкознания Японии дает интересный материал для суждения, как воспринимался языковым сознанием самого японского народа его язык, принадлежащий по типу к агглютинативным языкам. История китайского языкознания раскрывает, как осознавался самими носителями языка его строй, его отдельные явления, а китайский язык — один из важнейших представителей языков изолирующего строя. Поэтому национальная традиция в Китае, история лингвистической мысли в Китае являются необходимым материалом и для построения прочной, исторически обоснованной общей теории языка.